

<i>puks-</i>	‘вариться’	— <i>puksón</i>	‘варить’
<i>xaš-</i>	‘тащить’	— <i>xašón</i>	‘перетаскивать’;
<i>budúfs-</i>	‘липнуть’	— <i>budúfsón-</i>	‘прилеплять’;
<i>čukáyr-</i>	‘пугаться’	— <i>čukayrón-</i>	‘пугать’;
<i>daw-</i>	‘бежать’	— <i>dawón-</i>	‘погонять’.

Некоторые глагольные основы вообще не употребляются без суффикса *-on* (*-ūn*): *qožūn* ‘пить большими глотками’, *širiqqūn* ‘скрипеть’, *mižūn* ‘шевелить’.

В очень редких случаях при помощи суффикса *-on* образуются понудительные глаголы: *roγ-* ‘плакать’ — *roγón-* ‘заставлять (вынуждать) плакать’; *šiy-* ‘шить’ — *šiyón-* ‘заставлять шить’.

Сложные глаголы

§ 296. Сложные глаголы, как в таджикском языке, образуются сочетанием существительного с глаголом. В таких сочетаниях наиболее употребительны следующие глаголы:

kun- ‘делать’: *ark kun-* ‘работать’, *furūmič kun-* ‘забывать’;
vu- ‘делаться’, ‘становиться’: *hárra vu-* ‘срываться’, *baǰó vu-* ‘прятаться’, *yáxši vu-* ‘показываться’, ‘появляться’;
dih- ‘бить’: *gab dih-* ‘говорить’, *qurt dih-* ‘глотать’, *likát dih-* ‘лягаться’;
dor- ‘держать’: *čak dor-* ‘схватывать’, *žuš dor-* ‘слушать’;
tifár- ‘давать’: *ǰawóp tifár-* ‘отвечать’, ‘отпускать’; *foṭihá tifár-* ‘благославлять’;
nos- ‘брать’: *kipáš nos-* ‘обнимать’, *dam nos-* ‘отдыхать’;
yod nos- ‘запоминать’, ‘заучивать’;
xaš- ‘тащить’: *azóp xaš-* ‘мучиться’.

В образовании ряда сложных глаголов участвуют также глаголы *xoar-* ‘есть’ (*ǰam xoar-* ‘печалиться’), *wen-* ‘видеть’ (*tayorí wen-* ‘готовиться’), *ūr-* ‘приносить’ (*šuk ūr-* ‘молчать’).

В ягнобской речи допустимо образование и употребление многих сложных глаголов, представляющих собой кальки соответствующих таджикских сложных глаголов (§ 274).

Приставочный глагол *bardiḥ-*

§ 297. *bardiḥ-* ‘засучивать рукава’ (< *dih-* ‘бить’ + приставка *bar-*) единственный приставочный глагол в ягнобском языке, является скорее всего калькой таджикского глагола *barzadan*, имеющего то же самое значение.

РАЗЛИЧИЯ ПО ГОВОРАМ

Почти через 30 лет после первого знакомства с ягнобским языком было обнаружено, что этот язык имеет говорные разновидности. Впервые на это обратил внимание К.Г. Залеман. В своем отчете о поездке в Среднюю Азию в 1898 году он писал: «2-го сентября ко мне был приведен молодой ягнобец, по имени Шах Махмат, который сначала сильно трусил, но вскоре стал более доверчивым. С ним я занимался по 13-е сентября по примененной в Оше программе, проверил и собрал материалы по грамматике и словарю и записал несколько переводных текстов. От него же я узнал, что непонятный для таджиков ягнобский язык имеет два наречия или говора — факт остававшийся не известным для прежних исследователей»⁹⁹.

Некоторые результаты работы К.Г. Залемана по выявлению говорных различий отмечены В. Гейгером: «По сведениям информанта Залемана, ягнобский язык распадается на два говора. Установление различий между ними остается делом будущего. В “Ягнобских этюдах” Залемана я нашел многочисленные рукописные поправки, часть которых, по всей видимости, основывается на диалектных различиях. Так, часто дифтонг *ai* материалов Куна исправлен на *ē*, *ī*: *waiš-wēš* ‘трава’, *apiraiž-apirēž* ‘он убежал’. Вместо формы на *-tišt* (3-е л. ед. ч. наст. вр.) часто вставляется форма на *-či*: *kuntišt-kunči* ‘он делает’, *tirtišt-tirči* ‘он уходит’; вместо формы на *-ārtišt* (3-е л. мн. ч. наст. вр.) форма на *-āšt*: *nidārišt-nidāšt* ‘они садятся’, *warārišt-warāšt* ‘они несут’. Говорные соответствия одного и того же слова представлены в *darās* и *dirāt* ‘серб’»¹⁰⁰.

Схематичная характеристика говоров ягнобского языка была дана Р. Готью. Французский исследователь выделяет два основных говора — восточный и западный, кото-

рые четко противопоставляются друг другу по следующим фонетическим признакам: в восточном говоре — *daros* 'серп', *saray* 'три', *men* 'селение', в западном соответственно — *dirot*, *tiray*, *mayn*. Р. Готьё отмечает, однако, наличие зоны переходных говоров и, в частности, приводит пример, когда в одном селении формы *siray*, *men* и *dirot* употреблялись параллельно¹⁰¹.

Сравнительно подробное описание ягнобских говоров содержится в работе Г. Юнкера, который устанавливает наличие двух диалектных областей — восточной и западной, четко различающихся изоглоссами *s/t* и *a/i* (*sarai* - *tirai*, *daros* - *dirot*). Граница между двумя этими диалектными областями проходит, по Г. Юнкеру, восточнее селения Питип, но западнее селений кульской группы. Таким образом, в восточную диалектную область Г. Юнкер включает говоры селений Дехбаланд, Пискон, Гармен, Сокан, Симич, Кули-Дахана, Кули-Миёна и Кули-Боло. Говоры остальных ягнобских селений образуют западную диалектную область, хотя и здесь немецкий исследователь выделяет ряд изоглосс, пересекающих долину Ягноба с северо-запада на юго-восток. Это изоглосса *-ai/-e-* (*main-men*), совпадающая с изоглоссой *firok/fironta* 'завтра', и *i/-e-* (*ix-ex* 'лед')¹⁰².

Классификация, предложенная Г. Юнкером, несколько отличается от классификации, намеченной Р. Готьё. Для Г. Юнкера изоглосса *-e/-ai-*, не совпадающая с изоглоссами *s/t* и *a/i*, не имеет решающего значения при делении ягнобского языка на восточный и западный диалекты. Г. Юнкер в противоположность Р. Готьё ничего не говорит о наличии группы переходных говоров, а лишь ограничивается констатацией того факта, что в кишлаке Питип слово со значением «три» произносится как «*sirai//sarai*».

Г. Юнкер правильно определил отдельные фонетические различия между говорами ягнобских селений, но предложенная им классификация представляется до некоторой степени нечеткой.

Если, согласно классификации Г. Юнкера, к востоку от линии изоглосс *s/t* и *a/i* мы имеем ярко выраженный во-

сточнаягнобский диалект (*ein ausgesprochenes Ost-Jaghnoibi*), а к западу от нее — западноягнобский (*ein West-Jaghnoibi*), то при таком делении понятие «западный диалект» включает в себя довольно разнородные говоры, различающиеся между собой изоглоссами *tr/ sr*, *-ai/ -e*, *i/ e*, *firok/ fironta*, которые нельзя объединить в одну группу, о разделении же их на какие-либо подгруппы в работе Г. Юнкера ничего не говорится.

Совершенно иное диалектное членение предложено М.С. Андреевым. Основываясь на высказываниях самих ягнобцев, он различает четыре ягнобских говора: «теновой» (говор селений, расположенных на левом берегу р. Ягноб, и правобережного селения Бидев), «солнечный» (говор селений, расположенных на правом берегу р. Ягноб, кроме сел. Бидев), верхний (говор селений Дехбаланд и Пискон) и кульский (говор селений, расположенных вдоль левого притока р. Ягноб, впадающего между селениями Питип и Пискон). «Главные основы деления, — отмечает М.С. Андреев, — это переход в ряде слов тенового и солнечного *т* в *с* в кульском и, в значительной степени, в верхнем говоре, а также переход тенового *а* в остальных группах в *еі*, *е*». По мнению М.С. Андреева, разница между отдельными ягнобскими говорами наблюдается только в фонетике¹⁰³. Однако тексты, записанные М.С. Андреевым и Е.М. Пещеревой, позволяют говорить о наличии морфологических и лексических различий.

С.И. Климчицкий, вслед за Р. Готьё и Г. Юнкером, выделяет два основных говора — западный и восточный, подразделяя их на подговоры: западный — на мархтумайнский (нижний) и номитканский (верхний), восточный — на кашинский и писконский. Местность селений Куля и Симича он считает зоной смешанного говора с преобладанием восточного¹⁰⁴. К сожалению, осталось неясным, какие различительные признаки служили С.И. Климчицкому основанием для такого разделения.

По мнению В.А. Лившица, ягнобский язык делится на два основных говора — западный, или «теновой» (говор се-

лений, расположенных на склонах левого берега р. Ягноб, обращенных на север), и восточный, или «солнечный» (говор селений, расположенных по правому берегу реки). Важнейшие различия между ними фонетические: зап. *ay* — вост. *ε*; зап. *t* — вост. *s* (согд. *ʃ*)¹⁰⁵.

Ошибочность такого деления очевидна, ибо селения Дехбалад и Пискон, говор которых всеми исследователями называется восточным, лежат на левом, т.е. «теновом» берегу р. Ягноб.

К тому же самим В.А. Лившицем несколько ранее было высказано мнение, что западному говору соответствуют «теновой» и «солнечный» говоры, а восточному — «кульский» и «верхний»¹⁰⁶.

Самая обстоятельная классификация говоров ягнобского языка содержится в работах М.Н. Боголюбова. Опираясь на выводы своих предшественников и на собранный им материал, М.Н. Боголюбов пришел к заключению, что ягнобский язык имеет два говора: западный и восточный. Основными классификационными признаками, по его мнению, являются признаки фонетические, главные из которых следующие:

- 1) зап. *t* — вост. *s* (< согд. *ʃ*);
- 2) зап. *ay* — вост. *ε*;
- 3) зап. *-st* в слове *past* 'дым' — вост. *-zd(pazd)*;
- 4) зап. *xap* 'свой' — вост. *xep*;
- 5) в открытом слоге, образованном кратким гласным, западному *-i-* противостоит в восточном говоре *-a-* (зап. *dirot* — вост. *daros*).

Кроме того, по М.Н. Боголюбову, восточный говор отличается суффиксальное неударное *-i*, прибавляемое к личным глагольным формам (*ásti* вместо *ast* 'имеется', *apursóri* вместо *apursór* 'они спросили').

Западный говор М.Н. Боголюбов подразделяет на две группы: мархтумайнскую и номитконскую, которые отличаются друг от друга следующими особенностями:

- 1) сочетание окончания 3-го лица единственного числа настоящего времени *-t* с частицей *išt* в мархтумайнской груп-

пе звучит *tišt*, в номитконской группе *-či*, которое характерно также для говоров чукатской (сел. Чукат, Каши, Пулла-Роут, Роут, Питип), кульской (сел. Куль, Симич) и писконской групп селений;

- 2) в мархтумайнской группе слово «семь» произносят *aft*, в Номитконе — *avd*; звонкий исход присущ и остальным группам;

- 3) в мархтумайнской группе *atiráyš* 'он упал', *payst* 'дым', в Номитконе — *atiráš*, *past*;

- 4) в мархтумайнской группе причастие прошедшего времени от *tifár* 'давать' имеет форму *tifórta*, в Номитконе — *tifórta*, *tiráfta*; форма *tiráfta* присуща и чукатской группе; в писконской группе — *tafórta* и *saráfta*¹⁰⁷.

Согласно указанной классификации типично западным автор считает говор селений Бидив, Мархтумайн, Вагинзой, Муштиф, Шахсара, Шовита, Думзой, Хисокидарв, Номиткон, а типично восточным — селений Пискон, Дебалад, Гармен, Сокан.

По М.Н. Боголюбову, говор селений Чукат, Каши, Пулла-Роут, Роут, Питип по признакам *-t* (*met* 'день'), *-st* (в слове со значением «дым»), *-i* (в открытом безударном слоге: *di-var* 'дверь') относится к западному, а по признакам *ε* (*wεs* 'травя'), *xep* 'свой' — к восточному говору. В кульской группе селений, отмечает автор, *s* вытесняется западным *t*: от жителя Куля, произносящего в речи *dirot* 'серп', *rot* 'дорога', можно услышать вост. *afahmsi* 'вы поняли' вместо зап. *afahmti*.

Речь внешних ягнобоязычных селений — Куктепа, Зуманг, Рог — М.Н. Боголюбов относит к номитконской говорной группе¹⁰⁸.

Таким образом, начиная с Р. Готью, все исследователи, кроме М.С. Андреева, пришли к единому мнению: в ягнобском языке следует различать два основных говора — восточный и западный. Каждый из них, однако, по-разному определяет границы распространения этих говоров. Частично это объясняется тем, что все внимание было сосредоточено на схеме «восточный» — «западный», и высказанная Готьё мысль о на-

личии зоны переходных говоров долгое время не получала дальнейшей разработки¹⁰⁹.

Между тем во многих ягнобских селениях встречаются говоры, которые по одним признакам примыкают к восточному говору, по другим — к западному. Игнорируя этот факт и сводя все только к схеме «восточный — западный», мы не сможем составить полного объективного описания ягнобского языка, ибо говоры любого бесписьменного языка, в том числе и ягнобского, являются единственно реальной формой его существования. Одинаково важно различать как говоры тех территорий, на которых отмечены резко противопоставленные и взаимно исключаящие друг друга члены ряда соответственных явлений, так и тех, на которых наблюдается взаимопроникновение, взаимоналожение языковых явлений. Зоны переходных говоров — это зоны наиболее активного междialeктного воздействия, по-разному протекавшего в разных конкретно-исторических условиях. Совмещение в этих говорах генетически разнотерриториальных черт не является механическим. На территории этих зон складываются определенные системы говоров с характерными для них закономерностями, на основе которых и строится совмещение этих черт¹¹⁰.

Условные понятия «западный говор» и «восточный говор», впервые введенные в научный обиход Р. Готье по отношению к ягнобскому языку, являются удачными и вполне себя оправдывают и в лингвистическом и в географическом отношении. Оба говора четко противопоставляются друг другу по ряду фонетических, морфологических и лексических признаков.

Фонетические различия между ними сводятся к следующему:

1) *-au* западного говора соответствует *-e* восточного говора: (< согд. *ε*): *ua yš* - *weš* 'трава', *maup* - *men* 'селение', *čukáyr* - *čukér* 'бояться', *piráyrž* - *paréž* 'убегать';

2) в словах с этимологическим *ʃ* западному *i* соответствует восточное *s*: *met* - *mes* 'день', *kunt* - *kuns* 'делай-те'; *ot* - *os* (связка 2-го л. мн.ч.);

3) в безударном открытом слоге западному *-i-* соответствует восточное *-a-*: *piráxs* - *paráxs* 'оставаться', *dirót* - *darós* 'серп';

4) западному *xap* 'свой' в восточном говоре соответствует *xep*.

М.Н. Боголюбов относит к различительным признакам также противопоставление групп согласных *-st* (зап.) - *-zd* (вост.) в слове со значением «дым»: *payst*, *past* (зап.) - *pazd* (вост.). Однако, например в селении Гармен, где говорят на восточном говоре, нами было зафиксировано это слово в форме *past*. На наш взгляд, этот факт можно было бы не включать в систему различительных признаков.

Морфологические различия между двумя говорами наблюдаются в глагольных окончаниях.

Окончание 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени в западном говоре *-išt*, в восточном — *či*: *šáutišt* - *šauči* 'он идет'; *kúntišt* - *kúnči* 'он делает'; *wéntišt* - *wénči* 'он видит'.

Сами ягнобцы ясно различают эти окончания¹¹¹. Нам не приходилось наблюдать, чтобы в речи одного и того же лица окончания *-išt* и *-či* чередовались¹¹².

Окончание 1-го лица множественного числа простого прошедшего времени в западном говоре *-om*, в восточном — *-im*: *avówom* - *avówim* 'мы пришли', *ačórom* - *ačórim* 'мы увидели', *akunóm* - *akuním* 'мы сделали' и т.д.

Окончание *-om* не было отмечено предыдущими исследователями. Не выделяет его и М.Н. Боголюбов, хотя в парадигме спряжения глагола *vi-* 'делаться', 'становиться' в просто прошедшем времени для 1-го лица множественного числа он дает форму *avóm*¹¹³, а не *avím*, как например в текстах М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой¹¹⁴.

Пока трудно делать какие-либо заключения о путях возникновения окончания *-om*. Нельзя лишь не обратить внимания на совпадение окончания 1-го лица множественного числа простого прошедшего времени *-om* и связки 1-го лица множественного числа прошедшего времени *iúom*.

Окончание 1-го лица множественного числа прошедшего длительного времени в западном говоре *-omišt*, в восточном — *-imišt*: *awénomišt* - *awénimišt* 'мы видели'.

В восточном говоре к личным глагольным формам часто присоединяется суффиксальное неударное *-i*: *hámma harft ġirivomišti* 'я знаю все буквы'; *firónta žútay posilká kunomišti* 'завтра я пошлю сыну посылку'; *Rówut šáwomišti* 'я иду в Ровут'; *nisól peštár ašáwimišti t yókay čūrūnī* 'например, раньше ходили куда-нибудь пастушествовать'; *parrū avóšti, dyd návoti* 'ложились лицом вниз, чтобы не было дыма в лицо'.

В западном говоре это наблюдается лишь при глаголе бытия в форме 3-го лица единственного числа (*ásti*).

Еще одним различительным грамматическим признаком является то, что в западном говоре для выражения сходства, подобия употребляются послелог *-mánta//yow*, в восточном — послелог *-méta* (§§ 170-171).

Между западным и восточным говорами имеются также и некоторые различия в лексике:

Западный говор		Восточный говор
<i>kusél-</i>	'посылать'	<i>fišóm-//kusél-</i>
<i>tiráš-</i>	'падать'	<i>divi-</i>
<i>réza kun-</i>	'размельчать'	<i>rezgi kun-</i>
<i>zočaxóy-</i>	'дойная корова'	<i>začxóy</i>
<i>rūn-</i>	'ягненок'	<i>rūnak</i>
<i>ġarápp-</i>	'ложиться спать'	<i>ġaráfs-</i>

Западный говор распространен в селениях Бидев, Марх-тимайн, Муштиф, Шахсара, Вагинзой, Шовета и Думзой, восточный — в селениях Дехбаланд, Пискон, Гармен и частично в селении Сокан.

В остальных ягнобоязычных селениях говорят на переходных говорах. Эти переходные говоры неоднородны: степень смешения признаков восточного и западного говоров в них различна.

Говор кишлака Хисокидарв по всем признакам примыкает к западному говору, но отличается от него наличием в глаголах 3-го лица единственного числа настояще-будущего времени окончания *-či* и отсутствием послелога *-yow*.

Говор селений Чукат, Каши, Пулларовут, Ровут характеризуется совокупностью следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt, -ot*), *-i-* (*piráxs, dirót*), *xep*;

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáučī*), *-im* (*avówim, aġórim*), *-imišt* (*avówimišt, aġórimišt*), *-méta*;

в лексике: *tiráš-// divi-, kusél-*.

Говор селения Питип отличается от говора указанной группы селений только употреблением слова со значением 'три' в форме *saráy*.

Для говора селений Куля (Симич, Кули-Дахана, Кули-Миёна, Кули-Боло) и части селения Сокан характерна совокупность следующих признаков:

в фонетике: *-e* (*weš, men*), *-t* (*met, kunt*), *-i-// -a-* (*piráxs// paráxs, dirót // darót*), *xep*; *saráy* 'три';

в грамматике: *-či* (*kúnči, šáučī*), *-im* (*ašáwim, aġórim*), *-imišt* (*ašáwimišt, aġórimišt*), *-méta*;

в лексике: *kusel-, tiras-*.

Селение Чомиткон отличается тем, что в нем наблюдается наличие двух разновидностей говоров: с одной стороны, типа говора селения Хисокидарв, с другой — типа говора селения Чукат.

Говор селений Куктепа, Зуманд, Гароб по всем характерным особенностям примыкает к говору селения Хисокидарв.

ДВУЯЗЫЧНЫЕ ЯГНОБЦЫ

Все исследователи ягнобского языка отмечают, что ягнобцы двуязычны: помимо родного языка они владеют еще таджикским. Однако сведения о характере двуязычия ягнобцев у разных авторов несколько различны.

Г.Э. Юнкер сообщает о том, что ему редко встречались ягнобцы, владевшие только родным языком¹¹⁵.

Ч.Г. Маллицкий писал: «Все ягнобцы — мужчины говорят также и по-таджикски, а некоторые еще и по-тюркски, и только часть женщин и детей, как я слышал, не понимают другого языка, кроме ягнобского»¹¹⁶.